

Воспоминания ангела, или Лучшее, что случилось в жизни

Ыыыы... Ну разве для этого я была создана? Чтобы вот так валяться на лавочке у грязного человеческого подъезда и разгонять вялыми взмахами крыльев настырные любопытные снежинки?...

С тяжёлым вздохом я перевернулась на живот, пробурчала несколько ценных рекомендаций на тему трудоустройства некоторых моих начальников и с воплем, доступным только ушам сидевшей неподалёку облезлой кошки, скатилась в сугроб. Язвительные снежные духи издевательски захихикали.

Я вспомнила свое начальство ещё парой ласковых слов и опустила гордо выставленную попу с лавочки. Затем выползла из сугроба и, резким взмахом крыльев распугав снежинки, задумалась.

Мои ценные указания тем, кто дал мне эту дурацкую работу, стопроцентно стоили мне трёх или четырёх тёмных перьев. Ррррр, уроды... Блин, ещё перо... Нет, но ведь работа действительно бессмысленная – охранять человека! В конце концов, он всё равно умрёт! А я люблю полёты и идеальный субтропический климат эдемского сада! А теперь придётся ютиться в его человеческой квартирке, будучи невидимой и бесплотной! Да и где он, этот человек, в конце-то концов! Если бы я ощущала холод, как обычные смертные, давно бы уже превратилась в сосульку! Ыыыы...

Я недовольно шмыгнула носом и показала облезлой кошке язык. Она равнодушно глянула на меня и принялась вылизывать заднюю лапу, всем своим видом показывая, что ей совершенно на меня плевать.

Вредное животное – ни капли сочувствия. Я уже собиралась запустить в нее снежком, как вдруг в моей голове раздался звон маленького серебряного колокольчика и заспанный внутренний голос сообщил: «Эээ... Слышь, вот он, тот которого мы тут весь день ждём...»

Так я впервые увидела своего подопечного. Высокий, с широкими плечами, русыми волосами и мягким взглядом зеленовато-голубых глаз, он походил на моих коллег, боевых ангелов. Ему было девятнадцать лет, и звали его, как выяснилось позже, Матвеем.

Странно. Я думала, что буду охранять какую-нибудь малолетнюю девчонку, а тут...он. Но делать было нечего, я встала на ноги, отряхнула крылья и пошла следом за этим человеком.

Он вошёл в подъезд, поднялся на пятый этаж и распахнул дверь в свою квартиру. Я проскользнула мимо Матвея и принялась изучать своё новое пристанище: две комнаты, кухня, ванная. Везде были светло-серые полы, стены и потолки; в идеально чистой спальне ничего лишнего, только широкая кровать, зато гостиная закидана его книгами, дисками, вещами. На кухонном столе гордо красовался ярко-фиолетовый ноутбук и недопитый утренний кофе.

Довольно милое жильё, я ожидала худшего.

Матвей тем временем включил чайник и телевизор, переоделся. Я дематериализовала свои крылья и растянулась на уютном диване в гостиной. Будущее явно обещало украсить мою биографию несколькими новыми любопытными фактами...

Когда Матвей спал, он ещё больше походил на ангела. Светлые ресницы отбрасывали густую тень на его щеки, а губы становились пухлыми, совсем как у ребёнка. Я стояла у изголовья его кровати и не могла найти в себе силы, чтобы уйти, несмотря даже на огромное количество ожидающих меня дел, поэтому я взяла его ноутбук и примостилась на подоконнике в спальне Матвея.

Мне необходимо было найти моего подопечного в нашей базе данных, ангельской. Пароль, пароль, пароль... Как же сложно их запоминать! Наконец-то моему взгляду представилось окно «Введите имя вашего человека». Мои пальцы быстро простучали по клавиатуре. М-А-Т-В-Е-Й.

На экране появилось его фото. Он определённо не позировал: взгляд обращён куда-

то в сторону, на лице счастливая детская улыбка, красивые загорелые руки спрятаны в карманы камуфляжных штанов, под простой белой майкой читается подтянутое, даже худое тело.

Пространство справа и снизу от фотографии заполнили строки текста, содержавшего информацию о моём подопечном. Имя, фамилия, дата рождения...

Учился он, как выяснилось, в каком-то серьёзном университете, кажется, военном. Родители жили в другом городе. Чуть ниже были ссылки на друзей. Так...любимая музыка, книги... Много интересного.

Матвей глубоко вздохнул во сне и перевернулся на бок, лицом ко мне. Я на секунду замерла – если он сейчас откроет глаза, то увидит висящий в воздухе ноутбук. Но Матвей продолжал сладко спать. Я с облегчением вздохнула и с головой погрузилась в изучение компа...

Изо дня в день я была рядом с ним. Будила его по утрам, играя с солнечными лучиками; поправляла его одеяло, когда он засыпал; напоминала ему о позабытых делах или вещах; смотрела вместе с ним его любимые фильмы; а когда он гулял, летала вокруг него, звонко смеясь и кувыряясь в воздухе.

Постепенно я привязалась к моему подопечному. Если мне приходилось оставлять его на неделю, день или даже час, я начинала невыносимо тосковать, совсем как брошенная собачка или потерявшийся ребёнок. А по возвращении я с радостным визгом бросалась ему на шею. Невидимая и бесплотная. Странно то, что он явно что-то чувствовал, но не понимал своих ощущений. И тогда Матвей подходил к окну и с мечтательной улыбкой глядел вдаль, медленно цедя из любимой кружки ароматный фруктовый чай. Мне кажется, он уже тогда догадывался о моём существовании... А я грустно улыбалась и прижималась к нему сильнее.

Иногда моя привязанность меня пугала, но я старалась об этом не думать. В Эдемском саду я имела репутацию весьма сомнительную – меня считали лентяйкой и эгоисткой, а теперь мои задачи – оберегать моего подопечного, заботиться о нём, помогать ему – стали моими потребностями. Наверное, именно поэтому я справлялась с ними безупречно. Матвей хорошо учился, был здоровым, весёлым, общался с друзьями и умел развлекаться. Однако в его сердце постепенно зарождалось желание любить и быть любимым. Он часто витал в облаках, видимо мечтая о той, которая это желание исполнит. О том, что скоро он ее, возможно, встретит, я тоже старалась не думать.

А ему становилось всё тяжелее. Почти все его друзья давно обзавелись вторыми половинками, и только он был одинок, хотя вокруг моего мальчика всегда было много этих людей женского пола. И, если уж быть до конца откровенной, я тихо радовалась тому, что ни одна из них не может войти в его жизнь и заполнить пустоту в его сердце. Занять место, которое принадлежало мне...

Но однажды это случилось.

Ничто не предвещало беды. Утро было солнечное и ясное. Я спала, свернувшись клубочком в ногах у Матвея. Проснувшись, я потянулась, перевернулась на живот и расправила крылья, отчего тихонько зазвенели хрусталики висевшей над кроватью люстры. По комнате неслышно скользили солнечные зайчики, и от их лёгких касаний я чихала и улыбалась.

Я подлетела к изголовью кровати моего мальчика и зашептала ему на ушко: «Ну же... Проснись... Раскрой глаза и посмотри в окно. Там сияет солнце, и снег переливается миллионами перламутровых искр. Деревья стоят облачённые в невесомое снежное кружево, а небо, будто рисованное пастелью, кажется то дымчато-голубым, то золотисто белым...»

Матвей улыбнулся и еле слышно произнёс в полусне: «Мой ангел...»

Я провела ладошкой по его щеке, и он открыл глаза. День мог бы стать волшебным.

Через час мой подопечный уже шагал по хрустящему снегу. Я кружила в воздухе над его головой и изредка стряхивала снег с ветвей деревьев, и тогда его сияющий взгляд

устремлялся точно на меня, хотя я всё ещё оставалась невидимой.

И вот, когда мы уже почти добрались до знакомого дома, где жил хороший друг Матвея Максим, на нашем пути появилась она. Человек женского пола.

Волшебный утренний настрой мечтающее о человеческом тепле сердце мгновенно сделали своё дело. Внутренний голос надавил авторитетом, буркнув: «За всю свою жизнь создания глупее и беспечнее тебя я не видал», и предусмотрительно затих.

А девушка тем временем улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой, кокетливо поправила светлые волосы и, метко стреляя глазками, что-то зашебетала, обращаясь к Матвею. Он ответил, завязалась милая беседа. Мой подопечный взял номер её телефона, она игриво смеялась. Встреча с Максом была перенесена, и мой мальчик с этой...этой...с ней! Да, с ней он пошёл гулять!

Я стояла на снегу, словно окаменев. Мой мальчик, мой... Мой любимый! Он ушёл, позабыв меня, ушёл... Значит, я никогда и не была нужна ему? Никогда...

По моим щекам беззвучно катились слёзы. Впервые в жизни я ощутила холод, снег больно колот мои босые ноги. Я резко, судорожно, мощно взмахнула крыльями и уже через несколько минут растворилась в прозрачном зимнем небе...

Приблизительно три или четыре недели я бесцельно бродила по Эдемскому саду, прячась от гонцов Канцелярии в густой тени вечнозелёных райских кущ.

Когда же меня наконец обнаружили, Верховный канцлер метал громы и молнии. Наверное, с начала времён он ещё никогда не был так рассержен. Я уже с трудом могу воспроизвести его слова, помню лишь, как он кричал о моей безответственности и несостоятельности в плане порученной работы.

Немедленно был подписан приказ о моей отправке на землю и возвращению к исполнению обязанностей хранителя. В случае неповиновения я была бы переведена в категорию светлых ангелов и получила бы рутинную работу в Канцелярии Второго неба. Логично рассудив, что хуже этой бюрократической возни может быть только вечное забвение, я решила вернуться на землю.

Мне сделали выговор за дюжину тёмных перьев и, в общем-то пинком, отправили обратно в человеческий мир.

Я не нашла в себе сил сразу же вернуться в квартиру Матвея, подсознательно боясь увидеть там ЕЁ, поэтому я снова присела на лавочку у подъезда. Знакомая бездомная кошка подбежала ко мне и приветливо потерлась головой о мою ногу. Я наклонилась к ней и долго гладила взъерошенную жалкую спинку, чувствуя, как ворочается где-то под сердцем невозможная тяжесть и чернота...

Неожиданно холодную тишину разрезал резкий писк домофона. Дверь подъезда распахнулась и оттуда вышли двое: Матвей и...

- Кристина! Послушай, я плохо себя чувствую... наверное, простудился... к тому же устал... - грустно произнёс мой подопечный. – Давай ты пойдешь на эту вечеринку одна?

- Ой, котик, ну перестань! – капризно надула губки девушка. – Не придумывай чепуху! Ты должен пойти на эту вечеринку, ведь я обещала девчонкам тебя показать! Да они все поумирают от зависти!

- Я не карманная собачка, которую ты можешь везде таскать за собой и не новая розовая тряпка, которой ты можешь хвастаться перед своими подругами.

- Ну пууусечка, - Кристина обхватила шею Матвея и чмокнула его в губы.

- Чёрт, - буркнул мой подопечный. – Ладно, пошли...

Я сидела не шевелясь. Когда парочка поравнялась с лавкой, кошка оглянулась на них и громко мяукнула. Брови Матвея сшиблись на переносице, он протянул руку, чтобы погладить замученное животное, но Кристина с воплем повисла на его шее.

- Фуууу!.. Не трогай эту гадость, она же заразная!..

Я с отвращением поглядела на блондинку. «Единственная гадость здесь – это ты», - подумалось мне. Ой, чёрт, ещё темное перо. Даже два...

Кристина ещё раз поцеловала моего мальчика и, увлечённо болтая что-то о «самой

крутой вечеринке в её жизни», потащила Матвея прочь.

Я больше не могла сдерживаться и разревелась, надрывно, судорожно всхлипывая и сотрясаясь всем телом.

А парочка в это время уже скрылась за углом.

Сложно описать, что я чувствовала. Я ангел-хранитель, поэтому кроме своего смятения и боли, я ощущала ещё и тоску и непонимание Матвея. Он не был счастлив с этой девушкой, ему было неприятно её безразличие и эгоизм. Но врождённое благородство не позволяло высказать всё в её наигранно-наивные, хлопающие кукольными ресницами, глаза. Его душа искала любви, а эта, пусть даже весьма симпатичная по человеческим меркам, ледышка не могла подарить моему мальчику этого волшебного чувства.

Я без движения просидела на лавочке до темноты.

В абсолютной, почти звенящей, тишине крупными воздушными хлопьями валил снег. Окружающий мир постепенно терял свои резкие очертания, медленно растворяясь в мягком снежном сумраке.

Я замерзала. Непривычное для ангела состояние. Я не знала, чем это может мне грозить, и лишь изредка шевелила пальцами окоченевших ног.

Бездомная кошка всё ещё сидела рядом со мной. Она тоже замерзала, но на её нагловатой морде было написано полнейшее равнодушие. Соображать было всё труднее, я чувствовала, что медленно теряю сознание, будто бы засыпая...

Но вдруг окутавший меня густой мрак прорезал усталый и раздражённый голос Матвея:

- Нет, не хочу. Послушай, нам больше не о чем разговаривать, я ошибся...

Я подняла голову. Матвей направлялся к своему подъезду, говоря что-то в трубку мобильного. У моей лавочки он остановился, выключил телефон и убрал его в карман.

Голодная кошка неожиданно громко и надрывно мяукнула. Несколько потерянный взгляд Матвея споткнулся об её жалкое, присыпанное снегом, тельце.

- Кошара, - нежно и печально произнёс он. – Ты до сих пор здесь...

Животное спрыгнуло с лавочки и подбежало к моему подопечному.

- Кушать хочешь?

Кошка уверенно глядела Матвею в глаза, а её морде читалось: «Дурак, да?»

- Ну да, действительно, глупый вопрос... Пойдём-ка со мной! – И мой мальчик подхватил кошку на руки.

Я, выпучив глаза, наблюдала эту картину. Какой же он добрый... Я улыбнулась впервые за последние дни. Любимый...

Крылья мои уже почти не двигались, лететь было больно. От жалости к себе хотелось плакать, но я всеми силами отгоняла это малодушное желание.

Оказавшись в квартире Матвея, я робко огляделась – страшно было увидеть здесь вещи этой Кристины. К моему счастью, ничего незнакомого не было. Я медленно, шатаюсь и держась за стены, дошла до кухни. Там мои губы вновь тронула улыбка – голодная кошка с урчанием лопала кусок курицы, а мой подопечный пил чай с мёдом и лимоном и тихонько что-то ей рассказывал.

Я опустилась на стул и стала слушать Матвея.

- Знаешь, - говорил он кошке, - ещё месяц назад мне было хорошо. Такое чувство, будто кто-то был рядом, заботился, оберегал... Кто-то близкий... И вовсе не Кристина! Она мне совсем чужая. Надеюсь, мы с ней больше не увидимся, - я вздрогнула, а мой мальчик улыбнулся. – Да, я снова свободен... Слушай, коша, если будешь уничтожать еду на такой скорости, то не заметишь, когда слопаешь миску, - глаза Матвея смеялись.

Кошка, не отрываясь от курицы, зыркнула на моего подопечного. «Вот ещё... А если через пять минут я снова окажусь на улице без крошки еды?»

Я склонилась к животному и прошептала, почёсывая гладкую шёрстку:

- Не бойся, он больше не оставит тебя... нас...

А Матвей глядел в окно на кружащихся в танце хрупких ледяных духов, и в задумчивом его взгляде скользила улыбка и светлая печаль...

Моё сердце переполняла любовь, а голову зatumанило счастье...
Он помнил и скучал!
Мой мальчик...

Теперь мы жили втроём: я, Матвей и Плюшка (так он назвал кошку). Когда мой подопечный отмыл её, она оказалась весьма приличной, возможно даже породистой, кошкой дымчатого цвета.

Я снова охраняла Матвея, поэтому он быстро вылечил свою простуду и вернулся к привычному укладу жизни. Казалось, теперь всё будет прекрасно...

Единственное, что меня мучило, это «Свод правил охраны души человеческой: обязанности ангела-хранителя и запреты». Там было сказано, что проявление любви к своему подопечному как к объекту противоположного пола недопустимо. Нарушивший это правило хранитель отзывался с должности, разлучался с любимым человеком и переводился в более низкую категорию ангелов. В особо запущенных случаях законопреступника лишали крыльев или даже погружали в вечное забвение, что для нас есть смерть.

Я часто думала об этом, и ситуация казалась мне безвыходной. Матвей хотел понять, что же вызывает у него эти странные чувства, но если бы я появилась перед ним, даже в образе человека, меня бы немедленно отозвали в Эдем. С наполовину почерневшими крыльями. И я больше никогда бы не увидела моего мальчика. А в нынешней ситуации я хотя бы могла просто бывать рядом с ним, и лишиться нас этого счастья было бы просто глупо.

С момента нашей первой встречи прошло уже почти три месяца. Зима приближалась к своему логическому завершению, но сдавать позиции не торопилась.

Жизнь Матвея изменилась мало. Он учился, общался с друзьями и избегал девушек. Лишь длинные тёмные одинокие вечера он проводил теперь в обществе Плюшки.

Моя же жизнь стала просто невыносимой. Я часто ревела, осознавая свою беспомощность. Постоянные вызовы в Эдем выводили меня из себя.

Иногда я бродила по заснеженным крышам многоэтажек и размышляла о том, как жить дальше.

Мысли роились, судорожные и сбивчивые, единственное, что было ясно – я по-настоящему полюбила Матвея. Я готова была отдавать моему мальчику каждую секунду своей жизни, мне хотелось быть ещё ближе к нему, хотелось каждое утро видеть его ласковый взгляд и ощущать его нежные поцелуи...

Возможно, если бы не случай, я бы продолжала тихо сходить с ума, перебирая осколки пустых мечтаний и задушевно скандаля со своим внутренним голосом, но осознав однажды, что потерять любимого на самом деле очень легко, я решила...

Как-то ночью, в очередной раз летая над городом, я чуть не рухнула на землю, оцепенев от нахлынувшего ужаса. Моё сердце сжалось в предчувствии беды, и крылья сами понесли меня к моей неясной цели. В лицо били резкие порывы ледяного ветра, мешавшие дышать. Но негостеприимному хозяину холодных ночных улиц было плевать. Он был свободен и, сострадая лишь своему бесплотному и одинокому существованию, тоскливо и горько завывал по чердакам и пустынным дворам серых многоэтажек.

Наконец я увидела Матвея. Он неспешно шёл по улице. Гулял. И тут я совершенно растерялась – интуитивно я ощущала страшное несчастье, но никаких видимых признаков беды просто не было. В раздумьях я зависла в воздухе. Матвей свернул и направился к пешеходному переходу. Я оглядывалась, разыскивая взглядом возможные источники опасности, и отвернулась от подопечного. И вдруг мою голову пронзила дикая боль и истошный крик внутреннего голоса: «Сзади, сзади!!!»...

Я никогда не забуду его бледное, будто неживое в мёртвом электрическом свете фар, лицо. Из-за поворота неожиданно выскочил темный автомобиль, которого Матвей не заметил.

Моё сердце рухнуло в бездну, мир будто остановился, и я резко рванулась к своему подопечному.

- Нееееет! – я чувствовала, как из моих глаз хлынули обжигающе-горячие слёзы.

Я понимала, что сейчас в моём распоряжении есть лишь какие-то доли секунды. Внутренний голос бубнил что-то циничное о том, что если я сейчас вмешаюсь, то мне, то есть нам, оторвут голову; что канцлер лично ошиплет мои крылья и отправит перебирать бумажки в Канцелярии, хорошо, если не туалетные... Но я его не слушала. Я хотела только сохранить жизнь любимого человека.

В самый последний момент я прижалась к его груди, прикрыла его спину своими крыльями и мы рухнули на тротуар.

Перепуганный водитель даже не затормозил, а, вжав педаль газа в пол, умчался в мутную снежную даль, чтобы потом, выпив в баре коньяку и забывшись, продолжить свой никчёмный жизненный путь.

В следующую секунду я поняла, что мой мальчик обнимает меня и что я, утратив самоконтроль, стала видимым существом из плоти и крови.

Матвей смотрел на меня бесконечно удивлёнными глазами.

- Кто ты?..

Самый дурацкий вопрос из возможных. Хотя, бесспорно, весьма логичный.

«Он видит тебя! Это апогей твоей глупости!..» - явно закатывая воображаемые глаза, прошипел внутренний голос и сполз в не менее воображаемый обморок.

В соответствии с правилами мне следовало вновь стать невидимой и внушить Матвею, что спас его, скажем, поток ветра. Но, прикоснувшись к любимому один раз, я поняла, что вернуться к прежнему мучительному существованию бесплотной тени я просто не смогу.

Матвей был шокирован, в его сознании царил мрак, мысли смешались. Он судорожно прижимал меня к своей груди и тяжело и глубоко дышал. Я слышала частый стук его сердца, чувствовала, как рвётся из груди моё, и как постепенно они начинают биться в едином ритме.

Чудовищная волна ужаса, накрывшая меня, медленно схлынула. Крылья были повреждены, но боли я не ощущала.

Матвей окончательно осознал происходящее и снова, удивлённо, почти испуганно заглянув мне в глаза, спросил:

- Кто ты?

Ну вот и что мне ответить?

- Я твой ангел-хранитель.

Матвей слегка прищурился и отвел взгляд. Я морально подготовилась к истерике и насмешкам, но мой мальчик снова повернулся ко мне и абсолютно спокойно поинтересовался:

- Ты ведь понимаешь, что твои слова звучат как бред чистой воды?

- Да.

Мы замолчали. А что тут скажешь?

Лежать под пронизывающим ветром на ледяной обочине и дальше было, по меньшей мере, глупо. Поэтому я дематериализовала свои измятые крылья, встала и протянула руку Матвею.

- А если бы ты убрала крылья сразу, то сейчас могла бы соврать, что ты просто внимательная девчонка, которая по счастливой случайности оказалась за моей спиной и решила спасти.

«Кстати, дельная мысль», - заметил очнувшийся внутренний голос.

- Ты знаешь, тех сотых долей секунды, которые решали твою судьбу, мне не хватило, чтобы обдумать план спасения и все возможные варианты развития событий, - огрызнулась я.

- Оу... - Матвей как-то стушевался и затих.

Пока мы обсуждали нюансы работы хранителя, утих и бушующий ветер. Всё вокруг

погрузилось в мягкую, какую-то ватную тишину. Начался снег. Пушистые хлопья его падали медленно и торжественно, словно кружась в старинном вальсе...

Матвей всё ещё держал меня за руку. Снежинки опускались на его густые ресницы, таяли на щеках, и я влюблялась всё сильнее.

- Пойдём домой?

- А ты не боишься? Вдруг я сумасшедшая? Или маньячка?

- Нет, не боюсь, - мой подопечный тепло улыбнулся. – Тем более, что сумасшедший здесь я, ведь я верю тебе...

Почти всю дорогу до дома Матвея я рассказывала ему о себе, об ангелах, о нашей работе и нашем мире. Он слушал молча, но я чувствовала, что он верит каждому моему слову.

Плюшка встретила нас жалобным мяуканьем. Я погладила её и обратилась к Матвею:

- Давно хотела спросить, почему у кошки такое...эээ...неожиданное имя?

- Это было рабочее название, но оно почему-то прижилось, - засмеялся мой подопечный.

Пока грелся чайник, Матвей внимательно меня разглядывал. Я сидела на стуле, прижав колени к груди, и пыталась читать его мысли, но мне это почему-то не удавалось. Под его взглядом я неожиданно почувствовала смущение и, как только чайник закипел, поторопилась занять себя приготовлением чая.

- Это ведь ты была со мной? Твои прикосновения я ощущал, твой образ видел во сне?

- Да.

Мои руки дрожали, вода из чайника расплескалась, и я поставила его на место. Матвей подошел и нежно обнял меня. Его прикосновения обжигали, моё сознание помутилось. Я ощутила, как всё внутри меня наполнило безбрежное, сияющее миллионами радужных искр, счастье и обжигающее солнечное тепло.

«Со стороны вы похожи на двух сумасшедших: чокнутый мальчик, который верит в ангелов, и отбитый ангел, который верит, в любовь», - съязвил внутренний голос.

И тут я решила добавить картине нашего сумасшествия ещё немного ярких красок и обнаружить всю правду.

- Я люблю тебя, - прошептала я на ухо Матвею.

Я перебирала руками его светлые волосы и вдыхала пряный аромат его горячей кожи и туалетной воды, а он гладил мою спину и прижимал меня к себе всё сильнее.

- А я, похоже, влюбился...

Я растворялась в любимых объятиях и ощущала, как гаснет разум, оставляя меня в полном распоряжении чувств.

- А что теперь будет? Ты ведь говорила, что вам нельзя любить людей.

- Наверное, меня отзовут.

- Эй! – испуганно воскликнул Матвей. – Я никому тебя не отдам!

- Ну вот видишь... Значит, всё будет хорошо, - я улыбнулась и закрыла глаза. – Всё будет хорошо...